

Н. Н. Казанский (Санкт-Петербург)

БАЛКАНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ВЯЧЕСЛАВА ВСЕВОЛОДОВИЧА ИВАНОВА

Для меня воспоминания о Вячеславе Всеволодовиче Иванове неразрывно связаны с воспоминаниями об Институте славяноведения и балканистики, еще располагавшемся в Трубниковском переулке, куда я регулярно приезжал к нему в 1975–1976 гг. на занятия по хеттскому языку, которые посещали многие сотрудники ИСл. Вячеслав Всеволодович читал с нами хеттские тексты по хрестоматии Фридриха, снабжая их широким комментарием, далеко выходящим за чисто лингвистические рамки. Я с ностальгией вспоминаю и эти регулярные чтения, и конференции, которые проводил тогда Институт, доклады Вячеслава Всеволодовича Иванова и Владимира Николаевича Топорова, которые всегда были в курсе последних открытий и свежих идей, и тот неподдельный интерес к тому, что делалось в Институте, со стороны коллег и студентов: далеко не всегда аудитория вмещала всех желающих присутствовать на чтении докладов, а сама атмосфера этих конференций отражала столь интенсивную работу над безграничным материалом духовной жизни разных народов, что уже широта постановки обсуждавшихся вопросов давала ощущение глотка свежего воздуха.

Мне довелось слушать многие доклады Вячеслава Всеволодовича в Москве, Петербурге и Лос-Анджелесе, и я вспоминаю встречи с ним в разные годы — в возглавляемом им Институте мировой культуры при МГУ, в здании Академии наук на Ленинском проспекте, в саду Фонтанного Дома, в Институте лингвистических исследований РАН, куда он несколько раз приезжал оппонировать, в РГГУ, где он читал лекции и вел консультации.

Вячеслав Всеволодович всегда обращал внимание на новые крупные открытия в гуманитарных науках, и в память о нем мне хочется сказать несколько слов об открытиях, о которых почему-то не сообщают средства массовой информации и которые минимально обсуждаются в нашем филологическом сообществе.

Прежде всего я хочу остановиться на открытиях, коренным образом меняющих наши представления о появлении человека в Европе, удревнив этот процесс более чем на миллион лет (Амирханов 2017). Раскопки, которые велись на Северо-Восточном Кавказе (Республика Дагестан, Россия) с 2005 г., показали наличие стоянок, чья древность определяется в 1 800 000 лет (стоянка Мухкай 2а), что коренным образом меняет наши взгляды на появление человека в Евразии. Стоянки на побережье Азовского моря (1 500 000–1 200 000 лет) показывают картину заселения и развития, отличную от той, к какой мы привыкли. Во всех этих случаях датировки проверены геомагнитными методами, а само обнаружение поселений такой древности заставляет по-иному рассматривать вопросы истории, культуры и языка, включая лингвистические карты и новые возможности распространения культур и языков. Как подходить с точки зрения гуманитарных наук к этим (безусловно, заслуживающим доверия) новым знаниям, не совсем ясно.

Вячеслав Всеволодович застал и обсуждал открытие, которое сделал Е. Н. Черных (Черных 2006), объяснивший переход от бронзового века к железному тем, что источники металла на Урале оказались перекрыты в результате переселения, уничтожившего древние разработки меди, которые в этих местах были возобновлены только во времена Петра Первого.

Вячеслав Всеволодович активнейшим образом использовал атлас типологических явлений World Atlas of Language Structures (WALS), и мне вспоминается его доклад, где он сопоставлял достоверно установленное генетическое родство *homo Altaiensis* (денисовского человека) с папуасами и лингвистические особенности, отличающие языки папуасов Новой Гвинеи. Вячеслав Всеволодович высоко ценил работы Ю. Е. Березкина, показавшего распространение фольклорных сюжетов; выход из Африки древнейших из этих сюжетов Ю. Е. Березкин датировал возрастом в 60 тыс. лет (Березкин 2008, см. также последние публикации: Березкин 2017; Березкин 2018).

Если оглянуться на историю гуманитарного знания за последние полтора столетия, то самые разительные изменения можно увидеть в том, что в ходе развития науки почти на полтысячелетия была передвинута граница между тем, что наука XIX в. относил к мифологии, и историческим знанием. Так, до раскопок Г. Шлимана и до открытий А. Эванса раннюю историю Греции зачастую относили к мифологии.

В 1915 г. Б. Грозный дешифровал хеттские тексты, а уже в 1920-х гг. Э. Форрер определил тексты, в которых упоминаются жители страны Аххиява, отождествленные с ахейцами. Это открытие имело чрезвычайно важное значение для балканского языкознания. В 1948 г. Х. Боссерт открыл лувийские иероглифические тексты в Кара-Тепе, что дало новый толчок для исследования анатолийских языков и для нового осмысления взаимодействия народов Эгеиды.

Греция II тыс. до н. э. уже несколько раньше, с открытием памятников эгейской культуры, превратилась в предмет исторического изучения. В 1952 г. (после дешифровки текстов линейного письма В) в руках историков оказались тексты, благодаря которым началось историческое изучение Европы II тыс. до н. э. Здесь на основе источников — как клинописных текстов, так и линейных — можно более детально говорить о периоде конца XIII в. как о времени исторических влияний и взаимодействий. С моей точки зрения, это было одним из самых крупных достижений в области гуманитарных наук.

За последние годы значительно пополнились сведения о народах моря в египетских источниках (см. монографию: Сафронов 2018), а также хеттские и греческие данные, включая хозяйственные таблички и предметы, безусловно прошедшие длительный путь, — такие, как найденные на акрополе беотийских Фив цилиндрические печати с вавилонской клинописью. Среди печатей обнаружены и древние, еще III тыс. до н. э., и более поздние, датируемые второй половиной XIII в. до н. э. Правдоподобно предположение, что все эти предметы происходят из храма Мардука в Вавилоне, захваченного в 1225 г. до н. э. войсками Тукульти Нинурта I (1243–1207), и что они были вывезены в его новую столицу, строившуюся недалеко от Ассура. Предполагают, что в Фивы печати могли попасть в качестве военной добычи или дипломатического дара. В любом случае эти находки свидетельствуют о контактах и исторических взаимодействиях (см. Казанский 2016).

Вячеслав Всеволодович посвятил несколько работ специально Балканам (полная библиография работ была издана: Невская и др. 2007), сосредоточившись по преимуществу на мифологических сюжетах — например, в статье о вурдалаках, которая появилась в сборнике в честь 70-летия Татьяны Владимировны Цивьян (Иванов 2007). Основная группа работ Вячеслава Всеволодовича, касающихся Балкан, посвящена сопоставлению

древнегреческих текстов с малоазийскими традициями — например, статья «К проблеме соотношения древнегреческой и хаттской традиций» (Иванов 1983). Убедительные параллели между хатт. *tauwa_a tup/wi_i* и хеттским *nahšaratt-uēritema* с одной стороны и греч. *Δεῖμος τε Φόβος τε*, что Вячеслав Всеволодович переводил как «Страх и Ужас», отчетливо показывают древние связи между Балканами и Малой Азией.

Напомню, что первая диссертация Вячеслава Всеволодовича была посвящена структуре корня в хеттском языке. Неудивительно поэтому, что его взгляд на Балканы был во многом взглядом из Малой Азии и основывался на анатолийских текстах, переводы которых — плод многолетних филологических изысканий — собраны в книге «Луна, упавшая с неба», названной так по одному из хаттских текстов. Это тот случай, когда отечественная культура была обогащена древними текстами, вернувшимися из небытия.

Вместе с тем Вячеслава Всеволодовича интересовал балканский языковой союз и вообще языковые союзы, а также его интересовали древние связи Балкан с Малой Азией. В статье, опубликованной в сборнике «Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев. Методология и историография» (Иванов 1976), больше внимания уделено славянскому материалу на фоне широких индоевропейских параллелей. Во второй половине 1970-х гг. в Институте славяноведения проходила активная работа в этом направлении. В том же сборнике была опубликована и статья А. В. Десницкой «Эволюция диалектной системы в условиях этнического смешения (из истории славяно-албанских языковых контактов)» (Десницкая 1976), и я с удовольствием напомню, что первый доклад, посвященный поискам прародины индоевропейцев в Малой Азии, Вячеслав Всеволодович в начале 1970-х гг. делал именно в Институте лингвистических исследований, который тогда возглавляла Агния Васильевна.

В годы становления Вячеслава Всеволодовича как лингвиста, благодаря гипотезе Ганса Краэ была сделана попытка распознать следы древнеевропейского языка, от которого остались только топонимы и гидронимы, заимствованные сменившими их языками. Эти исследования продолжаются и сейчас трудами Вольфганга П. Шмида и его учеников, которые исследуют даже рефлексy праиндоевропейских ларингальных в древнеевропейском (Bichlmeier 2013). Как можно видеть, данное направление развивается. Важно, что появляются новые находки и новые обобщения.

Упомяну о недавно вышедшей книге Дагмар Водтко, которая принимала участие в создании труда «Nomina im indogermanischen Lexikon» (Wodtko, Irslinger, Schneider 2008), издавала надписи Испании, а сейчас составила очерк лузитанского языка (Wodtko 2017), о котором до последнего времени мы ничего не знали: текстов на лузитанском всего четыре, плюс вкрапления в латинских надписях этой области Иберийского полуострова. Тщательное исследование этих (хотя и фрагментарных) материалов отражает то направление науки, которому сочувствовал Вячеслав Всеволодович, — направление, заложенное еще монографией Пауля Кречмера «Введение в историю греческого языка» (Kretschmer 1896), где подробно описаны языки народов, с которыми греки могли контактировать в рамках средиземноморского мира.

Монументальная книга «Индоевропейский язык и индоевропейцы», написанная Вячеславом Всеволодовичем совместно с Тамазом Валериановичем Гамкрелидзе (Иванов, Гамкрелидзе 1984), открывала широкие перспективы для изучения как путей становления грамматической структуры отдельных индоевропейских языков, так и изоглосс, объединяющих отдельные индоевропейские языки или даже праиндоевропейский с другими языковыми семьями.

Для Вячеслава Всеволодовича были важны реконструкции текстов, среди которых балканские тексты сохраняли свое важное значение, — например, статья «Древнебалканский и общеиндоевропейский текст мифа о герое — убийце пса и евразийские параллели» (Иванов 1977а), в которой также акцент делается на малоазийские материалы (царь Кандавл) в сопоставлении с кельтскими, германскими, славянскими традициями.

То, что сделал Вячеслав Всеволодович в области балканистики, в первую очередь касалось взаимодействия Балкан и Анатолии во II тыс. до н. э. Я хотел бы напомнить об итоговой статье «Древние культурные и языковые связи южнобалканского, эгейского и малоазийского (анатолийского) ареалов», где Вячеслав Всеволодович рассматривал и идеи, которые заимствовались из одного ареала в другой, и сопутствовавшие термины, например обозначение колесницы, запряженной конями. Такие колесницы в хеттских текстах обозначались просто как «кони». В микенском греческом в отличие от повозок, в которые могли запрягать парнокопытных, боевые колесницы, запряженные конями, назывались «конскими» (мик. *i-qi-ja*), что сохраняется в гомеровском эпитете

ἵππιό-χάρμη ‘сражающийся с колесницы’. Вот такого рода совпадающие обозначения, напоминающие кальки, привлекали внимание Вячеслава Всеволодовича. Разбирая контакты и прямые связи между этими языками и культурными ареалами, Вячеслав Всеволодович обратил внимание на совпадение идеограммы для коня в микенской графике и знака лувийской иероглифики, одновременно подчеркнув ритуальное значение головы коня во многих традициях (Иванов 1977б: 13, прим. 34). В этом же направлении установления древних культурных и языковых контактов шла работа и над статьей «К истории древних названий металлов в южнобалканском, малоазийском и средиземноморском ареалах» (Иванов 1977в). Эти работы, в которых исследовались результаты контактов между родственными и неродственными языками в ареалах, отстоящих на значительные расстояния, во многом соотносились с достижениями ареальной лингвистики, но также открывали пути для новых идей в области расселения носителей языков. В одном из докладов последних лет Вячеслав Всеволодович настаивал на том, что пути расселения индоевропейцев следует реконструировать не только по суше, но и по водным просторам. Действительно, восстановление корня, обозначающего ладью и корабль в праиндоевропейском языке, никем не ставится под сомнение, а отдельные участки путей расселения в эпоху бронзы уже давно восстанавливались археологами как морские. Такие представления не отменяют сухопутных переселений, но значительно приближают к реальности реконструкцию путей расселения, поскольку многие участки суши фактически должны были быть в те времена непроходимыми. С этой точки зрения речные и морские пути оказываются чрезвычайно важными для воссоздания общей картины расселения носителей индоевропейских языков.

Балканская проблематика входила также в те исследования, которые Вячеслав Всеволодович осуществлял в области грамматики. Я не могу не упомянуть книгу, на которую в последнее время я не видел ни одной ссылки, — «Славянский, балтийский и раннебалканский глагол. Индоевропейские истоки» (Иванов 1981), — многие идеи которой, несмотря на то что прошло немало времени и формальная реконструкция значительно продвинулась вперед, остаются актуальными. Мы просто их недостаточно используем. Например, механизм падения ларингальных в индоевропейских языках. Обычно в учебниках и компендиумах сообщается,

что они выпадали, после чего происходило компенсаторное удлинение гласного. Другие возможности, например восприятие гласного с ларингальным как дифтонга и, как следствие, монофтонгизация дифтонга, даже не рассматриваются. Не рассматривается и тот механизм, который Вячеслав Всеволодович предлагал в качестве объяснения, основываясь на типологии: «падение ларингальных типологически соответствует падению редуцированных в славянском». Неясно, как применить эти идеи на практике, но, безусловно, правильно помнить, что общая «типология редукиции» столь же недостаточно разработана, как и «типология падения», но — вне зависимости от возможности практического применения идеи — есть все основания охранять ее от забвения.

Вячеслав Всеволодович постоянно был обращен к новому, всякий раз пытаясь новые факты и новые интерпретации включить в систему, которая во многих случаях также оказывалась новой. Такое чутье и вкус ко всему новому отнюдь не исключали уважительного и внимательного отношения к идеям предшественников, вне зависимости от того, насколько они были приняты современниками и последующей научной традицией. Поэтому в ряде случаев Вячеслав Всеволодович обращался к лингвистическим идеям, которые многим представлялись устаревшими, и отстаивал их, справедливо видя неслучайное там, где сейчас принято видеть случайное совпадение.

Приведу характерный, с моей точки зрения, пример такого отстаивания интерпретации вопреки едва ли не общему мнению. Мне вспоминается последний доклад Вячеслава Всеволодовича на заседании Отделения историко-филологических наук РАН, в котором он настаивал¹ на правильности предложенного еще Б. Грозным сопоставления славянских **dьlgostь* (ст.-слав. *дльгость*, сербохорв. *дъгост* f. ‘длина’, словен. *dolgost* f. ‘длина’, ст.-чеш. *dlouhost*, словац. *dlohost* f. ‘длина, долгота’, в.-луж. *dlugość* f. ‘длина’, польск. *dlugość* f. ‘длина, продолжительность’, др.-рус. *дългость, дългость* f. ‘продолжительность’, укр. *довгість*, род.

¹ Как делал это и ранее (Иванов 1984). В частности, к используемым формам он добавил литовское *ilgastėlis*, подразумевающее *ilgastis* не только в значении ‘тоска’, опираясь на текст Балиса Сруоги: *Kaip išbristi man, vargdieni, tokį platų platumėį, tokį gilų ilgastėį?* ‘Как выбрести мне, несчастной, из столь широкой широтушки, из столь глубокой долготушки?’.

пад. *-ostī* f. ‘долгота, длина’. В славянских языках это интерпретируется как «производное с суфф. *-ostь* от прилагательного *dьlgъ*» (ЭССЯ V 1978: 207). Славянские сопоставления, кстати, позволяют, как это заметил в ЭССЯ О. Н. Трубочев, дополнительно вычленить суффиксальное **-g^h-*: *dлH₂-g^he/o-* (греч. *δολιχός*, скр. *dirghá-*, авест. *darəga*, др.-перс. *dar-ga*, хетт. *dalugaes* NomPl. ‘длинный’).

Д. Водтко не решилась включить это прилагательное в состав и.-е. имен, а в недавней работе Шт. Хофлер решительно отмел саму возможность сопоставления: «Identifikation von heth. *dalugašti-* ‘Länge’ mit poln. *dlugość*, tschech. *dlougost* ‘Länge’ ist somit nur eine Scheingleichung» (Höfler 2018: 125). Следует отметить, что возражения против сближения хеттских и славянских форм сформулировал еще Э. Бенвенист, писавший, что совпадение между двумя языками выявляет не «историческую идентичность», а «близость результатов независимого развития» («une convergence entre des développements distincts» — Benveniste 1962: 89). Ш. де Ламбертери, анализируя конглоутинат **-osti-* на фоне прилагательных на *-u*, обращает внимание на разницу в огласовке корня форм положительной степени прилагательных и огласовки имен среднего рода на *-es-/os* (Lamberterie 1990: 631). Это различие исчезло во всех и.-е. языках, за исключением греческого и индо-иранских. В качестве примера де Ламбертери приводит слав. **dǫlgostī* и хетт. *dalugašti-*, которые оба, по его мнению, должны быть независимо подновленными формами от основы на *-es-/os*, а основа, уже на самых ранних стадиях получившая расширение **-ti-*, изменила огласовку корня в соответствии с моделью, свойственной прилагательным (греч. *βαθύς* повлияло на *βάθος* при правильном и более древнем *βένθος*). Ш. де Ламбертери считает возможным найти в греческом языке более древнюю систему аблаута в этом корне (*δολιχός* : *ἐνδελεχής*, соответствующую инновации *βαθύς* : *πολυβενθής* или скр. *mrđú-* : *īrṇamradas*) и делает окончательный вывод: «Греческое *-o-* нельзя возводить к и.-е. **-o-*, поскольку это стало бы анахронизмом» (С. 632). Такой вывод мне представляется излишне ригористичным. Если предполагать тройное совпадение суффиксации, то появится **dolH₂u-g^h-os-ti* (хетт. и слав.) / **dolH₂i-g^h-os* (греч.), причем греческая форма будет в исходе основы отличаться от хетт. *daluki-* (cf. *dalugaeš* (NomPl.), *dalugauš* (AccPl.) ‘длинный’). Существенным является то, что в хеттских текстах *dalugašti-* п. ‘длина’ встречается в паре с *palhašti-* п./с., образованным

от *palhi-* ‘широкий’². По способу словообразования к ним может быть добавлено еще и *pargašti-* n. ‘высота’, наряду с *pargatar* n. ‘высота’ также образованное от прилагательного: *parku-*. В хеттском языке все три слова имеют огласовку корня *-o-. Отметим и неожиданное *-o- в суффиксе: *-osti. Основа положительной степени приведенных прилагательных имеет исход на -u- и на -i-, на что обратил специальное внимание Дж. Рау³, связавший *-u- и *-i- с системой В. Каланда. При этом абстрактные существительные, образованные от этих прилагательных, имеют единообразный исход на *-osti.

Отстаивать правомерность сопоставления хеттских и славянских слов Вячеслава Всеволодовича заставляли не абстрактные соображения, а более широкий и независимый взгляд на проблему. Я думаю, что он был прав, настаивая на сохранении сопоставления, поскольку для носителей как праславянского⁴, так и хеттского языка суффикс *-osti должен был

² Чикагский словарь хеттского языка (CHD 1964: 65) приводит следующие контексты, включая размеры скалы, с которой Кумарби начал Улликумми: «The dimensions of the great rock with whom Kumarbi has sex and begets Ullikummi:») *n-aš dalugašti* 3 DANNA *pal-ha-aš-ti* [-*ma-aš* ... DANNA] *I/2* DANNA~ya ‘In length she was three miles; in width [she was ...] and a half miles’ KUB 33.98 + KUB 36.8 I 15-16». Также рассматриваются контексты, в которых сообщается о дородности дочери моря Сертаспурухи: «The dimensions of Sertapšuruḫi, the daughter of the Sea: *dalugaštiya* [... *pal-h*]*a-aš-ti-ma-aš* 1 DANNA ‘she (measures) [...] in length and she (has) a mile ill [width]’ KUB 33.109 i 7-8 cf. StBoT 14:381».

³ В последнее время Дж. Рау (Rau 2009: 130) рассматривал «associative adjective suffix *-osti, which appears in Hittite *pargasti* ‘high’ ~ *parku* ‘high’, *dalugasti* ‘length’ ~ *daluki-* ‘long’, *palhasti* ‘width, breadth’ ~ *palhi* ‘broad’» в сопоставлении со слав. *qzostī* < **H₂emg^he/os-tos* ‘narrow’ (при лат. *angustus*) ~ **H₂emg^he/os-ti* ‘narrowness’. В отличие от Э. Бенвениста он пытается отказаться от неделимого *-sti, замечая, что в конечном итоге субстантивация представляет собой результат превращения в прилагательное с основой на -to абстрактного прилагательного с основой на -s, и сравнивает для примера **H₂emg^he/os* ‘узость’ (вед. *ámhas-* ‘теснота, узость’, младолат. *qzah-* ‘тесненность, отчаяние’ > **H₂emg^hos-to-* ‘узкий, ограниченный’ (ср. лат. *angustus* ‘тесный, узкий’) > **H₂emg^hos-ti* ‘узость’ (> OCS *qzostī*).

⁴ Напомним, что Вячеслав Всеволодович датировал праславянский язык следующим образом: «Основные этапы развития праславянского языка лежат между концом общеславянской общности в I тысячелетии н. э. и предполагаемой миграцией западных индоевропейских племен из Азии в Северное Причерноморье (или на Балканы), начавшейся вскоре после разделения индоевропейских диалектов

выступать как некоторое единство. Именно поэтому, исходя из хеттского языка, Вячеслав Всеволодович считал, что сформировавшийся уже в праязыке конглютинат **-osti* расширил сферу своего приложения, став более продуктивным в славянских языках. В случае с хеттским *dalugaš-ti*- ситуация усугубляется тем, что основа также содержит суффикс **-g^h-*, присутствующий в скр. *dīrghá*, иран. *darga*, греч. *δολιχός*, лит. *ilgas*, ст.-слав. *dlŭgŭ*, а также гот. *tulgus* со значением ‘крепкий’.

К единому корню с огласовкой **-o-* можно возводить и славянские, и хеттские формы, причем *palhi-* Вячеслав Всеволодович еще в своей кандидатской диссертации сближал с русским *полюй*⁵. Семантика широты в слове *поле* ощущалась по крайней мере в литературе, начиная с переводов «Песен западных славян» у Пушкина, причем выражение *широкое поле* вместо *чисто поле* основывается, вероятно, на представлениях о том, что *степь широкая*. Характерно, что ни степь, ни поле не определяются прилагательным *длинный*. Стоит, вероятно, отметить, что заднеязычный суффикс, возможно, встречается также при корне **pelh₂-* + **-g-os*, в случае если греческое обозначение моря *πέλαγος* действительно связано с идеей шири⁶.

около III тысячелетия до н. э.» (Иванов 1976: 46). Такие широкие хронологические рамки языковых процессов не исключали возможностей сохранения в отдельных ветвях совпадающих архаичных грамматических черт, к числу которых Вячеслав Всеволодович относил и разбираемый сложный суффикс.

⁵ См. (Иванов 1955: 350). Совершенно очевидно, что русское *полсть*, обозначающее ковер и войлок, сближать с *palhašti*- нет ни малейших оснований, но со словом *поле* и дальше с лат. *plānus*, *palam* etc. — можно.

⁶ Так у П. Шантрена (Chantraine 1968: 872), но, как замечает Беекес по поводу возможности связать вслед за Фриском и Шантреном *πέλαγος* и *πλάξ*, *-ακος* [f.] ‘plain, plain of the sea, etc.’, *πλάγιος* ‘athwart, transverse, sloping, curved’ и *πέλανος*: «However, nothing confirms a connection of *πέλαγος* with the root **pelh₂-* ‘to spread out’, and the connection with *πλαγ/κ-* is phonetically impossible. Thus, the word rather seems to be Pre-Greek» (Beekes 2010 s. v.). Тем не менее, обозначение пространств словами, образованными от этого корня, встречается: ср. рус. поле, которое возводят к **pol-i-om*, cf. OHG *feld* n. ‘field’ (Derksen 2008: 411) и **polsa* f., рус. *полюса* («The same root **pol-* may be present in OHG *falg* f. ‘plowed field’, OE *fealg* ‘fallow’»). Беекес не упоминает возможные связи не только с *πέλανος*, но и *πλάγιος*, лат. *plāga*, греч. *πλάμη* и *παλαστή*, на которые обращал внимание П. Шантрен.

Уже Э. Бенвенист, скептически отзываясь о цельнолексемном сопоставлении слав. **dǫlgostǐ* и хетт. *dalugašti-*, предлагал рассматривать такое совпадение между славянскими и хеттскими данными в более широком контексте, выделяя суффикс **-sti*, представленный в ряде индоевропейских языков (балтийских, армянском, а возможно, и в санскрите)⁷.

В недавней статье Шт. Хофлер заменяет в **-osti* конечное **-ti* на **-te/o-*, желая найти греческие примеры, однако такая подмена не дает убедительных результатов. Приведенное им в качестве параллели греч. *ἀκοστή* f. ‘ячмень’ явно не может быть вписано в отчетливые словообразовательные ряды. Кроме того, наблюдается и некоторая неопределенность в самом значении слова *ἀκοστή* f., которое засвидетельствовано со значением ‘ячмень’ в словаре Гезихия (с отсылкой к кипрскому диалекту) и в поэме Никандра (Nicandr. Alex. 106), но схолий к Илиаде (Schol. Il. 6, 506) трактует его как фессалийское слово, обозначающее ‘злаки’ вообще. Семантическая неопределенность усугубляет ненадежность реконструкции в развитии семантики данного слова (возведение его к **H₂ek'-os* ‘Spitze, Granne’). Такая интерпретация не дает ни соответствия для интересующей нас словообразовательной модели (**-os* + **-ti* не равно **-os* + **-te/o-*), ни объяснения для развития формы от прилагательного к существительному, обозначающему абстрактный признак. Еще менее убедительна приводимая Хофлером параллель с лат. *scelestus* ‘преступный’ при *sceles-* ‘преступление’, где отчетливо видно развитие от существительного к прилагательному, то есть обратное тому, что мы наблюдаем в славянских и хеттских примерах. В пользу принятого сейчас сценария независимого развития форм может говорить и несовпадение рода абстрактных существительных — в славянских это женский род, в хеттском — по преимуществу средний, хотя *palḥašti-* n./с. ‘ширина’ бывает и общего рода. Наряду с этим хеттский язык демонстрирует дублетные формы с тем же абстрактным значением, образованные с помощью суффикса *-tar* < **-tr_o*, естественно принадлежащие (как положено словам, относящимся к гетероклитическому склонению) к среднему роду. Различие в роде абстрактного существительного может подтверждать идею о разном происхождении суффиксов, однако в славянских языках широко представлены

⁷ Это Вячеслав Всеволодович. отметил в своей рецензии на книгу Э. Бенвениста (Иванов 1963: 4).

абстрактные существительные среднего рода, образованные от глаголов (*терпеть* — *терпение*, *понимать* — *понимание*), так что прямого запрета на средний род нет и в них. Обычно отделяют в *-*osti* начальное *-*os*, связывая его с именами среднего рода на *-*es/-os*.

Для русского языка такая словообразовательная модель у существительных, образованных от прилагательных (*глупый* — *глупость*, *милый* — *милость*, *серый* — *серость* и т. д.), вполне продуктивна и обозначает абстрактный признак. Для хеттского языка примеры ограничиваются прилагательными, обозначающими размер предмета, но сама словообразовательная модель находит прямые параллели и в хеттском языке. Мы не обязаны думать, что единожды образованное слово с абстрактным значением в неизменном виде просуществовало тысячелетия, но также известно, что словообразовательные модели, перестав в какой-то период быть продуктивными, сохраняются в языке не только в виде застывших форм, но и как потенциальная способность вновь обрести продуктивность (Реформатский 1979). В данном случае совсем не обязательно говорить о близком родстве анатолийских языков с балтийскими и славянскими (напомню, однако, о книге: Иванов 1965). Можно говорить о сохранении сложного суффикса (конглютината) в независимых языковых системах, каждая из которых представляет собой самостоятельную традицию. Таким образом, речь не идет о восстановлении праславянского во II тыс. до н. э., но лишь об общих истоках, позволяющих изучать связи славянских и анатолийских языков с точки зрения сохранения архаизмов.

Вячеслав Всеволодович при реконструкциях в большей степени доверял возможности восстановить какой-то фрагмент праязыкового текста, предложить его интерпретацию, причем самостоятельный взгляд исследователя был всегда шире чисто лингвистического, даже когда речь шла о собственно лингвистических проблемах.

Вспоминая Вячеслава Всеволодовича, нельзя не упомянуть о книге, которую он назвал «Лингвистика третьего тысячелетия», сделав попытку предсказать те направления, которые определяют лингвистические поиски в будущем. Насчет всего тысячелетия уверенности быть не может, но не вызывает сомнений, что по крайней мере на ближайшие десятилетия актуальные и важные проблемы Вячеслав Всеволодович обрисовал ярко и полно. И сомнений в том, что исследование многих из поставленных Вячеславом Всеволодовичем вопросов будет развиваться именно так, у меня нет.

ЛИТЕРАТУРА

- Амирханов 2017 — *Амирханов Х. А.* О датировке многослойной стоянки Айникаб 1 на Северо-Восточном Кавказе (в связи с проблемой первоначального заселения человеком Евразии) // Труды отделения Историко-филологических наук. 2016. М.: Наука, 2017. С. 221–232.
- Березкин 2009 — *Березкин Ю. Е.* Мифы Старого и Нового Света: из Старого в Новый Свет: мифы народов мира. М.: Астрель, АСТ, 2009.
- Березкин 2017 — *Березкин Ю. Е.* Рождение звездного неба. Представления о ночных светилах в исторической динамике. СПб.: Кунсткамера, 2017.
- Березкин 2018 — *Березкин Ю. Е.* Отражение картины мира в традиционных нарративах: реконструкция глобальных тенденций распространения и хронологической последовательности появления мотивов мифологии // Археология, этнография и антропология Евразии. 2018. Т. 46, № 2. С. 149–157.
- Гамкрелидзе, Иванов 1984 — *Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс.* Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Тбилиси: Издательство Тбилисского университета, 1984.
- Десницкая 1976 — *Десницкая А. В.* Эволюция диалектной системы в условиях этнического смешения (Из истории славяно-албанских языковых контактов) // Королюк В. Д. (отв. ред.). Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев. М.: Наука, 1976. С. 186–197.
- Иванов 1955 — *Иванов Вяч. Вс.* Индоевропейские корни в клинописном хеттском языке. Дисс. М., 1955.
- Иванов 1963 — *Иванов Вяч. Вс. É. Benveniste.* Hittite et indo-européen. Études comparatives // Вопросы языкознания. 1963. № 4. С. 127–136.
- Иванов 1965 — *Иванов Вяч. Вс.* Общеиндоевропейская, праславянская и анатолийская языковые системы (Сравнительно-типологические очерки). М.: Наука, 1965.
- Иванов 1976 — *Иванов Вяч. Вс.* Язык как источник при этногенетических исследованиях и проблематика славянских древностей // Королюк В. Д. (отв. ред.). Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев. М.: Наука, 1976. С. 30–47.
- Иванов 1977а — *Иванов Вяч. Вс.* Древнебалканский и общеиндоевропейский текст мифа о герое — убийце пса и евразийские параллели // Судник Т. М., Цивьян Т. В. (сост., ред.). Славянское и балканское языкознание. Карпато-восточнославянские параллели. Структура балканского текста. М.: Наука, 1977. С. 181–213.

- Иванов 1977б — *Иванов Вяч. Вс.* Древние культурные и языковые связи южно-балканского, эгейского и малоазийского (анатолийского) ареалов // Балканский лингвистический сборник. М.: Наука, 1977.
- Иванов 1977в — *Иванов Вяч. Вс.* К истории древних названий металлов в юнобалканском, малоазийском и средиземноморском ареалах // Славянское и балканское языкознание. Античная балканистика и сравнительная грамматика. М.: Наука, 1977. С. 3–27
- Иванов 1983 — *Иванов Вяч. Вс.* К проблеме соотношения древнегреческой и хаттской традиций // Гиндин Л. А., Клепикова Н. П., Невская Л. Г. (ред.). Славянское и балканское языкознание. Проблемы языковых контактов. М., 1983. С. 53–61.
- Иванов 1984 — *Иванов Вяч. Вс.* О возможности этимологического отождествления слов, относящихся к одинаковым словообразовательным типам в родственных языках (праслав. **dьlg-ostь* = хетт. *dalugašti*) // Сопоставительное изучение словообразования в славянских языках. Тезисы международного симпозиума. М., 1984. С. 29–32.
- Иванов 1985 — *Иванов Вяч. Вс.* Славянский, балтийский и раннебалканский глагол. Индоевропейские истоки. М.: Наука, 1981.
- Иванов 2007 — *Иванов Вяч. Вс.* Балканские имена «вурдалака» и их происхождение // Николаева Т. М. (отв. ред.). Балканские чтения 9. Terra balkanica. Terra slavica. К юбилею Татьяны Владимировны Цивьян. 6 февраля 2007. Москва: Институт славяноведения, 2007. С. 70–79.
- Казанский 2016 — *Казанский Н. Н.* Из комментариев к фиванским текстам микенского времени (ТН Av 100) // Вестник древней истории. 2016. Т. 76. № 4. С. 853–873.
- Невская и др. 2007 — Вячеслав Всеволодович Иванов / Сост.: Невская Л. Г., Пчелов Е. В., Свешникова Т. Н., Херолд К. М.: Наука, 2007. (Российская Академия наук. Материалы к библиографии ученых. Литература и язык. Вып. 30.)
- Реформатский 1979 — *Реформатский А. А.* Очерки по фонологии, морфонологии и морфологии. М., 1979.
- Сафронов 2018 — *Сафронов А. В.* Очерки по истории Восточного Средиземноморья в XIV–XII вв. до н. э. М.: Институт востоковедения РАН, 2018.
- Черных 2006 — *Черных Е. Н.* Каргалинский горно-металлургический комплекс и медистые песчаники Приуралья // Деревянко А. П., Молодин В. И., Тишков В. П. (ред.). Этнокультурное взаимодействие в Евразии. Т. 1. М.: Наука, 2006. С. 181–191.
- ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 1–. / Под ред. О. Н. Трубачева. М., 1974–.

- Beekes 2010 — *Beekes R. S. P.* Etymological Dictionary of Greek. Vol. I–II. Leiden, Boston.
- Benveniste 1962 — *Benveniste É.* Hittite et indo-européen. Paris: Adrien Maisonneuve, 1962.
- Bichlmeier 2013 — *Bichlmeier H.* Einige ausgewählte Probleme der alteuropäischen Hydronymie aus Sicht der modernen Indogermanistik — Ein Plädoyer für eine neue Sicht auf die Dinge // *Acta Linguistica Lithuanica*. 2013. T. 66. P. 11–47.
- Chantraine 1968 — *Chantraine P.* Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Histoire des mots. Paris: Klincksieck, 1968–.
- CHD 1994 — *The Hittite Dictionary of the Oriental Institute of the University of Chicago*. Chicago, 1994.
- de Lamberterie 1990 — *de Lamberterie Ch.* Les adjectifs grecs en *-ος*. Sémantique et comparaison. T. II. Louvain-la-Neuve: Peeters, 1990.
- Derksen 2008 — *Derksen R.* Etymological dictionary of the *Slavic* inherited lexicon. Leiden: Brill, 2008.
- Höfler 2018 — *Höfler St.* Die anatolische s-Stämme: flexivischer Archaismus oder Kategorie im Zerfall // 100 Jahre Entzifferung des Hethitischen. Morphosyntaktische Kategorien in Sprachgeschichte und Forschung. Akten der Arbeitstagung der Indogermanischen Gesellschaft vom 21. bis 23. September 2015 in Marburg / Hgg. von E. Rieken unter Mitwirkung von U. Geupel und Th. M. Roth. Wiesbaden: Reichert Verlag, 2018.
- Kretschmer 1896 — *Kretschmer P.* Einleitung in die Geschichte der griechischen Sprache. Goettingen, 1896.
- Rau 2009 — *Rau J.* Indo-European Nominal Morphology: The Decads and the Caland System. Innsbruck, 2009.
- Wodtko 2017 — *Wodtko D.* Lusitanian: language, writing, epigraphy. Zaragoza: Universidad de Zaragoza, 2017.
- Wodtko, Irslinger, Schneider 2008 — *Wodtko D. S., Irslinger B., Schneider C.* Nomina im indogermanischen Lexikon. Heidelberg: Winter Universitätsverlag, 2008.

Nikolai N. Kazansky (Saint Petersburg)

BALKAN STUDIES AMONG WORKS OF VYACH. VS. IVANOV

ABSTRACT: The paper discusses Vyach. Vs. Ivanov's views concerning interrelations between Balkan and Asia Minor areas in the 2nd millennium BC. Special attention is drawn to Vyach. Vs. Ivanov's ideas about probable etymological connections of Hittite *dalugašti-* and Slavic **dǔlgostǐ*.

KEY WORDS: Vyach. Vs. Ivanov, Greek and Hittite areal relations, Anatolian and Slavic parallels, etymology of Hittite *dalugašti-* n., *palḫašti-* n./c., *pargašti-* n.

NOTE ON THE AUTHOR: Nikolai N. Kazansky — Member of the Russian Academy of Sciences, Head of the Indo-European department of the Institute for Linguistic Studies, RAS. Email: nkazansky@iling.spb.ru

РЕЗЮМЕ: Работа посвящена взглядам Вяч. Вс. Иванова, касающимся связи между Балканами и Малой Азией во втором тысячелетии до н. э. Специально рассматриваются идеи Вяч. Вс. Иванова о возможном этимологическом параллелизме хеттск. *dalugašti-* и слав. **dǫlgostī*.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Вяч. Вс. Иванов, греческие и хеттские ареальные связи, анатолийско-славянские схождения, этимология хеттских *dalugašti-* n., *palḫašti-* n./c., *pargašti-* n.

ОБ АВТОРЕ: Казанский Н. Н. — академик РАН, научный руководитель Института лингвистических исследований РАН, заведующий отделом сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков и ареальных исследований ИЛИ РАН. Email: nkazansky@iling.spb.ru

ДИСКУССИЯ ПОСЛЕ ДОКЛАДА *Н. Н. КАЗАНСКОГО*

С. М. Толстая: Проблематика хеттского языка в общеевропейской перспективе и специально хеттской всегда была актуальна для Вячеслава Всеволодовича. Если говорить о славистических работах, то самая крупная его работа по славистике — о глаголе, где славянские, праславянские глагольные формы рассматривались на фоне индоевропейском (В. В. Иванов. Славянский, балтийский и раннебалканский глагол. Индоевропейские истоки. М.: Наука, 1981). Я не говорю о его совместной работе с Владимиром Николаевичем Топоровым по реконструкции древнеславянской духовной культуры. Хочу сказать о том, что хеттская перспектива присутствовала и тогда, когда Вячеслав Всеволодович обращался к собственно славянским материалам. Первый пример — это его ранняя статья (1957 г.), посвященная глаголу «пасти». Он труден для этимологов, потому что совмещает в себе две разные семантические сферы: с одной

стороны, значение ‘пасти скот’; с другой — значение, связанное со спасением, запасами. Они настолько разные, что многие этимологи считали их или хотели считать омонимами. Вячеслав Всеволодович сравнил славянский глагол «пасти» с хеттскими текстами, в которых глагол «пасти» имеет значение более общее — ‘спасать, держать, хранить’. Он показал, что это значение является первичным для славянского и для европейского языков на основании хеттских материалов, а значение ‘пасти скот’ — вторичным.

Второй пример. Когда мы обнаружили и записали в Полесье купальский обряд, в котором на купальский костел, на шест, который устанавливали на середину костра, водружали конскую голову, и опубликовали свои записи, Вячеслав Всеволодович написал статью, в которой сравнил этот засвидетельствованный в 1970-е годы ритуал с древним хеттским ритуалом такого же типа, который свидетельствует о культе коня и его головы.

Это говорит о широчайшем лингвистическом и этнокультурном кругозоре Вячеслава Всеволодовича Иванова.